

Для Сюй Чуаня это была первая командировка, и он предсказуемо нервничал. Еще в Чжуцюане он мечтал встретиться с Сян Юем, убийцей Чжао Шуйхэ, и по дороге в Яфу перебрал в уме с десятков способов, как этого добиться. Однако, когда Мин Хань высадил его у городского управления, смелости Сюй Чуаня не хватило на то, чтобы жестко потребовать у местных полицейских пропуск в следственный изолятор.

Узнав, что его цель — систематизация материалов по делу Чжао Шуйхэ, сотрудники выдали ему папку с документами и вежливо добавили: «Если что-то понадобится — обращайтесь». Сюй Чуань был человеком бесхитростным: раз дали материалы — значит, надо работать. Он устроился в маленьком конференц-зале и принялся за изучение.

Отчеты, которые присылали в институт со всей провинции, обычно были подробными, но не исчерпывающими. На ранних этапах следствия полиция всегда «закидывает сети» максимально широко, собирая массу информации, которая в итоге оказывается бесполезной. Такие детали в институт не отправляют, чтобы не перегружать исследователей. Именно эти «пустые» материалы сейчас и изучал Сюй Чуань — громоздкие, скучные, на первый взгляд лишённые смысла. Но для него это были новые зацепки, и он читал их запоем, не замечая ничего вокруг.

Внезапно его взгляд зацепился за знакомое название — улица Бацзяо. В официальном отчете этот топоним не упоминался, но он был уверен, что слышал его сегодня.

Точно, от Мин Ханя! Мин Хань поехал именно на Бацзяо — там вырос ключевой фигурант того запутанного дела в Чжуцюане!

Сердце Сюй Чуаня забилось чаще. Что это значило? Он не знал. Дело Чжао Шуйхэ и события в Чжуцюане, казалось, никак не связаны, но и Чжао Шуйхэ, и У Ляньшань когда-то жили на улице Бацзяо! Затаив дыхание, он зафиксировал этот подозрительный факт и продолжил чтение.

Рекламное агентство, которое Чжао Шуйхэ основала вместе с партнером, называлось «Ихэ Медиа». До тридцати лет её жизнь была далека от блеска — она едва сводила концы с концами. У неё не было престижного диплома, она долго работала по найму, не гнушаясь самой тяжелой работы. Своего жилья у неё не было: либо общежития от компаний, либо совместная аренда в ужасных условиях.

Она переехала на улицу Бацзяо как раз в период основания «Ихэ Медиа». Все накопления ушли в бизнес, она осталась практически нищей, но как директор не могла позволить подчиненным видеть свою бедность. Поэтому она сняла жилье на Бацзяо: дома там были старые, зато аренда — по карману, и ей больше не приходилось делить кров с посторонними.

За время её жизни на Бацзяо, кажется, не произошло ничего примечательного. Через год дела фирмы пошли в гору, она переехала в район получше, а позже купила собственную квартиру, наконец-то обретя твердую почву под ногами в этом городе.

Сюй Чуань нахмурился. Он перечитал этот фрагмент трижды, но так и не нашел связи с делом в Чжуцюане. Может, он слишком мнителен? Вдруг это просто бесполезное совпадение?

«Да плевать, доложу — а там видно будет!» — решил он и немедленно набрал номер Мин Ханя. Реакция напарника подействовала на него как инъекция адреналина. Сюй Чуань глупо хихикнул и пробормотал под нос:

— А я, оказывается, не так уж бесполезен.

Когда Мин Хань прибыл в управление, Сюй Чуань уже почти закончил с бумагами и всю болтал с оперативником, участвовавшим в расследовании. Видя интерес парня к жизни Чжао Шуйхэ на Бацзяо, оперативник лишь укрепился в стереотипе об исследователях из института: люди, далекие от «земли», лишены системного взгляда и способны лишь раздувать из мухи слона, цепляясь за пустяки. Кто оригинальнее вывернет деталь — тот и молодец.

— Чжао Шуйхэ жила на Бацзяо восемь лет назад, — пояснил оперативник. — В то время она была по уши в работе. Квартира была для неё просто койкой, часто она там даже не ночевала.

Сюй Чуань не заметил пренебрежения в голосе собеседника и продолжал расспрашивать:

— А какие заказы тогда брала «Ихэ»?

Оперативник вздохнул, не желая ссориться с сотрудником института, и терпеливо ответил:

— Всякую мелочевку. То, от чего другие агентства воротили нос, или объедки со стола крупных игроков.

— Значит, времена у неё были тяжелые, — рассудил Сюй Чуань.

— Не то слово, она была на грани срыва, — подтвердил полицейский. — Сотрудников почти не было, люди не задерживались. Пахали в основном она и Лао Вэнь — её партнер.

Сюй Чуань попытался представить себя на её месте:

— В таких условиях психика должна быть на пределе. В отчетах сказано, что у неё были резкие перепады настроения, она была крайне эмоциональна, особенно к молодым мужчинам. Но в начале пути она вроде была спокойнее. Получается, её характер изменился именно в тот период?

Оперативник удивленно вскинул брови. Он не ожидал, что Сюй Чуань так глубоко изучил материалы — было видно, что парень действительно старался. Полицейский сменил тон на более серьезный:

— Партнер и старые сотрудники упоминали об этом. Лао Вэнь отвечал за внутреннюю «кухню», ему не нужно было общаться с клиентами, обстановка у него была проще — только физическая усталость. А Чжао Шуйхэ была на «передовой». Постоянные контакты с людьми, колоссальное психологическое давление... Она часто срывалась на крик в офисе, была очень вспыльчивой.

— Сильнее, чем когда она третировала Сян Юя? — уточнил Сюй Чуань.

— Да. Когда Сян Юй пришел в «Ихэ», фирма уже была в топе. Чжао Шуйхэ приходилось фильтровать свои слова и действия, чтобы держать марку.

Сюй Чуань задумался. Мин Хань подошел к столу:

— Дай-ка я гляну ту часть, где она живет на Бацзяо.

Сюй Чуань тут же нашел нужный абзац. Мин Хань надеялся на подробности, но информация была дана вскользь — местная полиция сочла это лишь подтвержденным фактом аренды, не имеющим отношения к делу.

Мин Хань указал на имя партнера:

— Есть контакты этого Вэнь Биня?

— Собираемся к нему? — оживился Сюй Чуань.

Мин Хань кивнул:

— Просто поболтаем.

Вэнь Бинь был на пять лет старше Чжао Шуйхэ — сейчас ему было сорок три. Когда-то он был её начальником в другой фирме, а затем они вместе открыли свое дело.

После смерти Чжао Шуйхэ «Ихэ Медиа» фактически прекратила работу, и Вэнь Бинь отошел от дел. Когда Сюй Чуань связался с ним, тот недолго помолчал и назвал адрес кафе.

Заведение находилось неподалеку от дома Вэнь Биня. Сам он выглядел как интеллигентный мужчина средних лет. Он заявил, что ушел на покой и больше не планирует возвращаться в рекламный бизнес, предпочитая жить на доходы от инвестиций.

Когда Мин Хань заговорил о Чжао Шуйхэ, лицо Вэнь Биня слегка омрачилось, и он начал вспоминать годы их совместной работы.

Более десяти лет назад Чжао Шуйхэ «силой» втиснулась в компанию, где тогда работал Вэнь Бинь. Она заявила, что готова начать с уборщицы, лишь бы ей дали жилье и трехразовое питание. В то время босс проводил конкурс среди соискателей на лучший план маркетингового продвижения. Чжао Шуйхэ написала самый блестящий проект, но из-за отсутствия диплома босс не хотел её брать. Когда она согласилась на роль уборщицы, тот едва не засиял от жадности.

Вэнь Бинь видел всё это. Он был человеком практичным до педантизма, не участвовал в офисных интригах и занимался только своими проектами. Он видел план Чжао Шуйхэ и поставил ей высший балл. Когда босс спросил его мнение, Вэнь Бинь ответил, что в рекламе талант и страсть важнее корочки. Довольный босс закрепил девушку за ним.

С тех пор Чжао Шуйхэ работала под его началом: и полы мыла, и проекты писала. Она часто ночевала в офисе и работала эффективнее многих в его группе. Через полгода Вэнь Бинь лично попросил босса перевести её в штат. Увидев её способности, тот с радостью подписал приказ.

Так начался её путь в индустрии.

Набравшись опыта и связей, Чжао Шуйхэ уволилась без тени сожаления. Прежняя компания из-за ограниченности взглядов босса застряла в середняках — не голодали, но и не процветали. Чжао Шуйхэ была молода и жаждала большой сцены. Перед уходом она спросила Вэнь Биня, не хочет ли он уйти с ней, но тот наотрез отказался. Она лишь улыбнулась: «Значит, я еще недостаточно привлекательна для тебя как лидер. Брат Вэнь, подожди еще пару лет».

В следующие несколько лет они почти не общались. Вэнь Бинь честно выполнял свою работу, иногда слыша, что Чжао Шуйхэ снова сменила компанию или создала очередной выдающийся проект. В глубине души он завидовал: в этой женщине, которая была младше него, была энергия, которой ему не хватало.

Время пролетело быстро. Чжао Шуйхэ снова уволилась и снова пришла к нему, приглашая основать собственное агентство. Вэнь Бинь уже устал от монотонной работы и хотел перемен,

хотя само предпринимательство его не слишком прельщало.

Он спросил её:

— Почему я? Ты могла найти партнера и получше.

Чжао Шуйхэ ответила:

— Потому что именно ты когда-то дал мне шанс, брат Вэнь.

— Значит, это благодарность за старое?

— Нет. Ты прагматик, и я тоже. Твои профессиональные навыки — лучшие из всех, кого я знаю. Ты просто не любишь общаться с людьми. Это не проблема — это умею я.

Слова Чжао Шуйхэ зацепили его, и он обещал подумать. Когда он официально согласился, она рассмеялась:

— Наконец-то я стала достаточно привлекательной.

Свой бизнес — это не работа по найму. Чжао Шуйхэ вложила все свои сбережения, Вэнь Бинь тоже инвестировал немало. Он был богаче неё, и в случае провала у него оставались пути отступления, поэтому он не спешил и работал в своем темпе. Чжао Шуйхэ же поставила на карту всё. На его глазах она становилась всё более агрессивной. Иногда он пытался её успокоить, но она кричала и на него. Он понимал её и не принимал обиды близко к сердцу.

Те времена были крайне тяжелыми, но они выстояли. «Ихэ» выросла настолько, что им больше не нужно было бегать за клиентами — лучшие заказы сами шли в руки. Чжао Шуйхэ сияла всё ярче, а Вэнь Бинь ушел в тень. Новые сотрудники порой даже не знали, что в фирме есть еще один гендиректор. Ему нравилось это состояние «серого кардинала».

Единственное, о чем он сожалел — боль и стресс тех лет окончательно изменили Чжао Шуйхэ. Она стала враждебной ко многим, особенно к молодым образованным людям. Иногда она скрывала эту неприязнь, иногда она выплескивалась наружу без остатка.

— Например, по отношению к Сян Юю? — спросил Мин Хань.

Вэнь Бинь задумался и покачал головой:

— Сян Юй — это крайний случай. Но он хотя бы мужчина.

Сюй Чуань запутался:

— Мужчина? К чему это вы?

Вэнь Бинь вздохнул:

— На самом деле я чувствовал, что Чжао Шуйхэ питает глубокое отвращение к молодым женщинам. Особенно к тем, у кого хорошее образование и отличные оценки.

— Но она же известна как защитница прав женщин и сторонница повышения их статуса в обществе, — возразил Мин Хань.

Сюй Чуань подхватил:

— Да-да, она участвовала во многих благотворительных акциях!

— В ней жил конфликт, — пояснил Вэнь Бинь. — С одной стороны, она была символом независимой женщины, которая всего добилась сама. С другой — она презирала и опасалась молодых конкуренток. Я знал её много лет и видел это. В нашем обществе у женщин не так много шансов. Ресурсов мало, конкуренция жесткая. Кто-то, достигнув высоты, думает, как подтянуть за собой остальных, а кто-то — как удержать свое место и растоптать потенциальных соперниц.

Помолчав, Вэнь Бинь покачал головой:

— К сожалению, она относилась ко второму типу.

Сюй Чуань сидел с открытым ртом, не в силах это принять.

Мин Хань заметил:

— Значит, она действительно была выдающимся «рекламщиком».

Вэнь Бинь понял его мысль:

— Да. Она направила свой талант на упаковку собственного имиджа. Большинство видело лишь её заботу о прогрессе женщин. Я бы даже сказал, что её травля Сян Юя и других тоже была частью этого имиджа — она подыгрывала ожиданиям общества.

Наступила тишина. Сюй Чуаню стало не по себе:

— Не думал, что она была такой.

Покинув кафе, Сюй Чуань всё еще пребывал в подавленном настроении. Мин Хань похлопал его по плечу:

— Расклеился? Тебе еще учиться и учиться у начальника Чэня держать лицо.

— Я просто в шоке, — Сюй Чуань вытер лицо ладонью.

— Шок — признак того, что ты слишком легко веришь на слово, — заметил Мин Хань.

— А?

— Сначала ты легко поверил в образ, созданный Чжао Шуйхэ. Теперь так же легко веришь словам Вэнь Биня.

Сюй Чуань поразмыслил и воскликнул:

— Значит, Вэнь Бинь мог наврать! Ты думаешь, он лжет?

Мин Хань спокойно вывел машину со стоянки:

— Его слова и слова Чжао Шуйхэ для меня равноценны. Что правда, а что ложь — покажет дальнейшее расследование.

— И что дальше? Ты сам-то веришь, что он соврал?

— А ты подумай, — парировал Мин Хань. — Какая Вэнь Биню выгода лгать нам сейчас?

Сюй Чуань нахмурился, что-то бормоча под нос:

— Вэнь Бинь не может быть убийцей, у него не было конфликта интересов с Чжао Шуйхэ, полиция Яфу это четко установила... Наоборот, после её смерти его дела пошли хуже... Похоже, ему и правда нет смысла врать.

— Он просто представил со своей колокольни ту Чжао Шуйхэ, которую не знала публика, — подытожил Мин Хань.

— И каковы наши действия?

— Завтра ты продолжишь свою работу, а я снова съезжу на улицу Бацзяо.

Сюй Чуань тоже хотел на Бацзяо и начал было спорить, но Мин Хань отрезал:

— Ты что, уже передумал встречаться с Сян Юем?

Глаза Сюй Чуаня округлились:

— Что?!

Мин Хань усмехнулся:

— Неужели исследователи так плохо умеют пользоваться шансом? Используй зацепки, которые нашел сегодня, и доводы Вэнь Биня, чтобы убедить полицию Яфу. Если не справишься — не смей называть себя бойцом команды начальника Чэня. Не позорь его.

Сюй Чуань мгновенно загорелся:

— Есть!

В то же самое время, город Чжуцюань.

Чэнь Чжэн снова пришел ко второй средней школе. Ученики были на вечерней самоподготовке, в окнах классов горел свет. В закусовых вокруг остались лишь редкие учителя после смены да соседи. Инь Гаоцян и его помощник Сяо Хуан заканчивали уборку. Увидев Чэнь Чжэна на пороге, Инь Гаоцян замер:

— Пришли поесть лапши?

Чэнь Чжэн кивнул:

— Лапша с ребрышками еще осталась?

Инь Гаоцян вернулся к плите, а Чэнь Чжэн сел за столик. Он сразу заметил ту самую подставку, на которую обратил внимание в первый визит. Она выглядела почти новой — ей было от силы пара месяцев. Он открыл фото в телефоне для сравнения: детали чуть разнились, но рука мастера явно была той же.

Инь Гаоцян поставил миску на стол. Чэнь Чжэн отодвинул соседний стул:

— Дядя Инь, присядьте.

Инь Гаоцянь вытер руки о фартук:

— Я так и знал, что вы не просто поесть пришли.

Чэнь Чжэн улыбнулся:

— Посмотрите на эту подставку. Она такая же, как на моем фото?

Старик пригляделся:

— Похожа. А где вы это сняли?

— Где вы купили эти подставки? — спросил Чэнь Чжэн.

Инь Гаоцянь растерялся:

— Вот убей, не помню. — Он позвал Сяо Хуана, но тот лишь почесал затылок: он их точно не покупал.

Инь Гаоцянь тоже покачал головой. Это было странно: в лапшичной лежат вещи, происхождение которых не могут объяснить ни хозяин, ни работник.

— Подумайте еще раз. Женщину, которая их плетет, зовут бабушка У. Десять лет назад она торговала здесь неподалеку. Она помнит ваше заведение и даже помнит Инь Цзинлю.

Инь Гаоцянь мгновенно выпрямился:

— Есть новости о Сяо Лю?

— Бабушка У — это зацепка. Раз она торговала здесь тогда, мне важно знать: вы или Инь Цзинлю покупали у неё что-то подобное?

Губы Инь Гаоцяня задрожали. Он долго вспоминал и наконец сказал:

— Кажется, была тут какая-то женщина с плетением... Но я ничего не брал. И потом — посмотрите, эти подставки же новые! Даже если Сяо Лю что-то купил десять лет назад, вещь не могла бы так сохраниться.

— Значит, кто-то принес их в кафе совсем недавно, — заключил Чэнь Чжэн.

Записи с камер давно затерты, так что подложить их мог кто угодно. Инь Гаоцяня осенило:

— Наверняка студенты!

— Студенты?

— Да, они вечно приносят мне всякие безделушки. Вон, посмотрите на эти баночки для перца — тоже они подарили. Говорят, у меня тут всё слишком «стариковское», надо добавить стиля.

Чэнь Чжэн осмотрел баночки для специй — действительно, типично молодежный стиль, совершенно не вписывающийся в интерьер лапшичной.

Когда лапша была съедена, Инь Гаоцянь проводил гостя до дверей. История с подставками

подарила ему надежду, хотя он совершенно не понимал, к чему всё это ведет. Чэнь Чжэн вежливо попрощался, но как только отвернулся, его брови сошлись на переносице.

Бабушка У не помнила продажи Инь Гаоцяну, тот тоже отрицал покупку, однако новенькие вещи лежали в кафе. Именно из-за этой зацепки Мин Хань подтвердил, что У Ляньшань была в Чжуцюане десять лет назад.

Кто-то намеренно подложил изделия бабушки У в кафе Инь Гаоцяна. Зачем? Чтобы дать полиции важную подсказку? Или чтобы водить их за нос? Мог ли Инь Гаоцян лгать? Ведь ему проще всего было подложить эти вещи. Если это он, то он уже давно знал об этой ниточке к У Ляньшань?

На следующее утро Мин Хань и Сюй Чуань снова разошлись в разные стороны. Утром улица Бацзяо была еще оживленнее: оптовики, туристы, суета. Мин Хань подошел к месту бабушки У, но обнаружил, что её прилавок пуст.

Соседка-торговка сама была удивлена:

— Неужто бабушка У заболела? Она же у нас главная грузеница.

Мин Хань немедленно отправился к дому У. После стука послышался голос старушки:

— Иду, иду! Кто там?

Дверь открылась. Бабушка У выглядела куда хуже, чем вчера — осунувшаяся, с темными кругами под глазами.

— Офицер... Мин? Вы снова здесь?

— Забыл вчера спросить кое-что. Почему вы не на рынке?

Старушка вздохнула:

— Мы вчера столько о прошлом говорили... Я потом всё о детях думала, глаз не сомкнула.

Мин Хань извинился, но она отмахнулась:

— Ничего, проходите. О чем еще хотели спросить?

— Я хотел узнать об одном человеке. Чжао Шуйхэ. Восемь лет назад она жила здесь, на Бацзяо.

— Чжао Шуйхэ? Не слышала. А что с ней?

Мин Хань нашел новость в телефоне и показал ей:

— Видели это?

Бабушка вгляделась в экран и ахнула:

— Это та самая бизнес-леди, которую убил парень?

— Да. Она снимала здесь жилье в течение года.

Бабушка напрягла память:

— Не помню такую.

Мин Хань пролистал десяток фотографий:

— Посмотрите внимательнее, может, лицо знакомое?

На пятом фото взгляд старушки изменился.

— Это она? — тихо спросила она.

Мин Хань понял, что попал в цель:

— Вы её видели?

Бабушка вернула телефон, её лицо выражало явную неприязнь.

— Я не знала её имени. Слышала, как её звали Сяо Хэ. Я думала, фамилия у неё Хэ. Когда видела новости, даже не подумала, что это та самая девушка.

Мин Хань видел её реакцию: раздражение и отвращение были очевидны, но старушка пыталась сдерживаться из уважения к покойной. Вспомнив слова Вэнь Биня, Мин Хань рискнул спросить:

— Она вас как-то обидела?

Бабушка У замахала руками:

— Да не меня... Эх, не знаю, как и сказать. Человека уже нет, а я, старая, сплетни развожу...

— Всё в порядке, это поможет нам понять личность жертвы.

Старушка помедлила и начала:

— Ладно, слушайте.

Восемь лет назад Бацзяо только начинали превращать в ремесленную улицу. Везде был хаос, куча арендаторов. Бабушка У, жившая с внучкой, всегда старалась по-доброму относиться к молодым одиноким женщинам. Торговля тогда шла вяло, времени было много, и торговцы часто судачили между собой. Кто-то упомянул эту Сяо Хэ: мол, пытается начать свое дело, а женщине в одиночку всегда несладко.

Бабушка У видела Сяо Хэ несколько раз — та вечно куда-то бежала, выглядела измотанной, у неё никогда не было времени даже просто взглянуть на прилавки.

Наступили летние каникулы. У Ляньшань настояла на том, чтобы помогать бабушке у прилавка. Старушка для виду ворчала, мол, иди учись, но в душе радовалась компании внучки. В те дни У Ляньшань постоянно сидела у лотка с книгами, делая уроки. Она училась хорошо, всегда была первой в классе — хоть школа и была посредственной, бабушка страшно ей гордилась.

В один из дней Сяо Хэ, которая обычно проходила мимо, не глядя по сторонам, вдруг остановилась у их прилавка. Но смотрела она не на поделки, а на У Ляньшань. Девочка как раз решала задачу по физике. Она подняла глаза и с улыбкой спросила:

— Сестренка, хочешь что-нибудь купить? Посмотри, какой кулон, его бабушка сплела.

Сяо Хэ лишь мельком глянула на безделушку. Её взгляд впился в тетрадь У Ляньшань. Она бесцеремонно взяла её и изучила обложку.

— Это задачи для подготовки к экзаменам в вуз. Но ты еще даже не в старшей школе.

— Да, — ответила У Ляньшань. — Я хочу начать готовиться заранее.

— Вот как? В какой университет метишь?

У Ляньшань слегка покраснела:

— Хочу в Лочэн. Все лучшие вузы нашей провинции находятся там.

Это было искреннее и простое желание маленькой девочки. Она открыто поделилась своей мечтой — использовать знания, чтобы обеспечить достойную жизнь себе и бабушке.

Сяо Хэ смотрела на неё сверху вниз. Спустя мгновение она швырнула тетрадь обратно на прилавок и разразилась смехом. У Ляньшань опешила:

— Сестренка?

Ярко-красные губы Сяо Хэ искривились, и она произнесла слова, полные ледяного яда:

— Ты же девчонка. Какой толк от твоей учебы? Всё равно закончишь тем, что будешь пахать на дядю за гроши. Веришь, что экзамены изменят твою жизнь? Дам тебе совет: бросай это дело сейчас. Учись лучше у бабки вязать и торговать — пользы будет больше!

<http://bllate.org/book/17170/1616165>